Мы не будем пытаться установить, какая историческая личность была прототипом „царя Карула“,[1] что за страна „Фругия“, так как ограничиться предположениями было бы недостаточно, а специальное исследование этого вопроса увело бы слишком далеко от нашей темы. Считаем достаточным констатировать тот факт, что папа Формос и „царь Карул“ фигурировали в русской исторической и церковно-полемической литературе XV—XVI веков как основоположники апполинаризма, арианства и других ересей, что привело, по мнению древнерусских историков и богословов, к окончательному отпадению католического Запада от „истинной веры“.[2]

Последним и объясняется присутствие этих лиц в Повести о новгородском белом клобуке, которая в этой, второй, части носит ярко выраженный антикатолический характер. Да и сам автор Повести во второй ее части мало заботится о соответствии своего произведения историческим сведениям и источникам своего времени: он лишь вскользь упоминает о том, что Карул и Формос впали в „апполинариеву ересь“ и стали служить на пресном хлебе. В центре его внимания окончательно становится судьба белого клобука, который эти еретики почему-то возненавидели и всячески пытались уничтожить. Исторический фон, фактографическая сторона описания в этой части Повести отступает на второй план (автор не называет даже, например, имени второго папы, назвав его просто „ин папа нечистый“). Зато фантасти-

[1] Скорее всего „Карул“ — искаженное имя Карл, которое носили многие германские императоры „Священной римской империи“. Карл III Толстый был современником Формоса, и с ним определенно отождествляет „Карула“ автор Хронографа второй, западнорусской, редакции (ПСРЛ, т. XXII, ч. II, стр. 210). Может быть также, что „Карул“ — Карл Великий, который, как известно, активно вмешался в борьбу за папский престол между Адрианом I и Львом III и получил корону из рук последнего. По западноевропейским источникам известно, что Формос короновал в 896 году франкского короля Карла Симплиция (Migne. Patrologiae latinae...). Таким образом обе русские версии связи Формоса с „Карулом“ имеют исторические основания: первая версия (Формос — современник „Карула“) относится к Карлу Симплицию, вторая („Карул“ — современник пап Адриана и Льва) — к Карлу Великому. Составитель хронографа второй редакции, очевидно, спутал Карла Симплиция с Карлом Толстым.

[2] Насколько эта версия была в свое время распространена, свидетельствует еще такой факт. Во многих богослужебных книгах XV—XVI веков имеется чин принятия католиков и лютеран в православие. По ходу действия принимаемый должен был произносить весьма пространное „анафематствование“, в самом начале которого говорилось следующее: „Отрицаются и отвращаются... римскаго царя Карула и иже с ним пришедших в Рим от западных латын... иже тогда держаху сокровенно многие ереси — ариеву и апполинариеву и македониеву... Проклинаю и последи бывших сообщников и стаибников каруловых еретиков, непокоряющихся тогда бывших православных пап учению... Проклинаю и богомерзкаго папу Формоса... и той есть первый в римских папах отступник православия... Проклинаю формосовых единонравных ему стаибников, бывших по Формосе в Риме пап...“ и т. д. (цит. по требнику начала XVI века, рукопись ГПБ, Солов. 1214/1105, лл. 1 об.—2 об.). Приведем еще два малоизвестных документа, в которых фигурирует Формос (с ним сравнивается митрополит-униат). Это — послание русских епископов литовским 1459 года о непризнании киевского „лжемитрополита“ Григория (АИ, т. I, стр. 502—503) и послание московского митрополита Ионы к новгородскому архиепископу Ионе о том же Григории, того же 1459 года, в котором с Формосом сравнивается сам Исидор (АИ, т. I, стр. 116—118). Наконец в грамоте митрополита Филиппа новгородцам 1471 года упоминаются и „древние еретики Каруловы“ и „последовавший им папа Формос“ (АИ, т. I, стр. 516). Два последних документа имеют некоторое значение для исследования Повести о новгородском белом клобуке. В качестве „первого еретика“ Формос фигурировал и в украинской полемической литературе: коварным, лицемерным, тайным еретиком, совратившим римскую церковь, основоположником раскола между восточной и западной церквями рисует его, например, Захарий Копыстенский в своей „Палинодии“ (РИБ, т. IV, стр. 1099—1100), сравнивая его с Лютером (там же, стр. 1227).